

Глава 1

ВОЙНА И МИФЫ

Севастополь как батальное пространство

С осени 1854 г. Севастополь стал местом, где решались исход войны и судьба страны, хотя военные действия велись также в Закавказье, на Балтике, Азовском и Белом морях, в Тихом океане. Оборона Севастополя принципиально отличалась характером ведения боевых действий от предыдущих военных конфликтов, в которых ранее участвовала Российская империя: мобильность армий сменилась позиционностью осады. Как отмечает Сергей Плохий, «Бородинский миф в России служит хорошим примером варианта мифологии “поле битвы”»¹. Географические особенности отличали Севастополь от Бородинского поля с его открытым равнинным пространством, подходящим для развертывания войск. Статичность осады пришла на смену динамике сражения, изменились и способы ведения боя. «Пушка против пушки, мортира против мортиры! Припомните все другие войны: везде были отдыхи, время полной безопасности и освежающего лагерного разгула, — в Севастополе не было этого времени»², — выстраивал мизансцену современник. Но это не была осада в точном военном смысле: с севера связь Крыма с империей не прекращалась, Севастополь не был полностью изолированной крепостью и сохранял доступ к источникам пополнения гарнизона, при этом флот был заблокирован в бухте, а морем полностью владели эскадры союзников. У многих мемуаристов вся эта непривычная обстановка, массированные бомбардировки небольшого города превосходящим по силе противником вызывали мифологические и апокалиптические ассоциации с бойней, котлом, из которого не было выхода, с филиалом ада на земле, «страшным судом в большом виде»³. Аллюзии котла задавались и географическими особенностями местности, расположением городских строений

¹ Plokhy S. *The City of Glory...* P. 374.

² Прием черноморцев в Астрахани // Морской сборник. 1856. Т. 22. № 6. С. 169.

³ Ершов А. И. Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера. СПб., 1858. С. 112. (Выражение «в большом виде» — калька с французского “en grand”).

на возвышенностях, спускающихся к морю в виде амфитеатра. Очевидно, что местные жители, морские команды, армия оказались в таких обстоятельствах, когда само нахождение внутри городского пространства, крепостного гарнизона становилось синонимом подвига.

Севастополь, как главная база военно-морского флота на юге империи, с моря был довольно хорошо защищен линией оборонительных, вооруженных артиллерией батарей. Три из них располагались на Северной стороне — Константиновская (110 орудий), Михайловская и батарея № 4; остальные на Южной — Александровская (90 орудий), батарея № 10 (60 орудий), Николаевская (100 орудий), Павловская (86 орудий), батарея № 8⁴. Севастополь накануне войны был самым крупным и населенным городом Крыма, при этом преимущественно городом моряков. Здесь функционировали Адмиралтейство, флотские казармы, два морских госпиталя, арсенал, доки, склады провианта, орудий и пороха.

Высадка экспедиционного корпуса англо-французской армады (89 боевых кораблей и около 300 зафрахтованных транспортных судов) началась 2 сентября 1854 г. в районе Евпатории. Через неделю 60-тысячная армия двинулась к Севастополю и 8 сентября 1854 г. на реке Альме встретилась с русскими войсками под командованием князя А. С. Меншикова. Сухопутных войск России в Крыму насчитывалось всего около 35 тыс. человек. Несогласованные действия командования, флангов, устаревшее вооружение (гладкоствольные кремневые ружья) и тактика (построение пехоты колоннами) привели к полному поражению. Потери были огромными с обеих сторон: русских — 5800 человек, союзников — порядка 4500 человек. Русские полки, потеряв десятую часть своего состава, «в беспорядке и с поспешностью»⁵ отступили к Севастополю.

Как справедливо заметили исследователи, ни одно из сражений Крымской войны не потрясло до такой степени общественность Российской империи, как Альминское. Вплоть до Цусимского сражения (май 1905 г.) слово «Альма» использовалось как нарицательное обозначение катастрофы (ранее такую функцию выполняло «Аустерлиц»)⁶. Потрясение от произошедшего на р. Альма отягощалось внезапностью случившегося и не до конца осознаваемыми реальными причинами поражения. Свидетельства о масштабах катастрофы обнаруживаются в письмах офицеров, изъятых цензурой и оставшихся частью вытесненной памяти:

Когда неприятельские колонны, двинулись к нам, то князь велел отступать; во время этого отступления происходило дело, в котором правый фланг наш был

⁴ Аничков В. М. Военно-исторические очерки Крымской экспедиции, составленные генерального штаба капитаном Аничковым. Ч. 2: Описание осады и обороны Севастополя. СПб., 1856. С. 5–6.

⁵ Воспоминания Н. А. Горбунова // Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 59.

⁶ Багдасарян В. Э., Толстой С. Г. Русская война: Столетний историографический опыт... С. 152.

рѣз. на дѣр. Сѣряковъ.

печ. Ратгенъ.

Видъ Севастополя.

Ил. 1. Вид г. Севастополя. Гравюра Л. Серякова. Воспроизводится по изданию: [Федоров Ф. А.] Крым с Севастополем, Балаклавой и другими его городами : С описанием рек, озер, гор и долин; с его историей, жителями, их нравами и образом жизни. СПб., 1855.

в бездействии, а левый фланг преимущественно подвергся страшному огню неприятельских штуцеров и пароходов. <...> С наступлением ночи наша армия представляла страшный хаос, рассеянные, никто не знает дорог, раненые одни шли к Симферополю, другие — к Козлову; войска, пришедшие из России без проводников, столпились на Каче и не знали куда двигаться. Князь чуть ли не из первых явился в Севастополь, все раненые были брошенные на пол, говорят, жалко было смотреть: один не в силах идти предлагает ружье, другой отдает деньги, чтобы не достались неприятелю, никто не думал в это время о другом, всякий спешил дальше, раненых у нас было до 4 тыс. и 1 тыс. убитыми; некоторые раненые тащились два дня до города без воды и хлеба, имея кто ногу перебитую, у кого рука висит на коже, у кого уже черви в язвах были, и на 3 день прибыли в госпитали, которые в это время представляли ужасную картину: ничего не заготовлено, ни корпии, ни бинтов, ни пищи, ни помощи. Ужасно, ужасно! Другой день после Бурлюковского дела представлял самое печальное и грустное зрелище! Место безрассудной гордости заступил всеобщий упадок духа, на всех лицах стыд, унижение, войска недовольные двигаются за шлагбаум, одним словом ужас!⁷

Часть мемуаристов (П. В. Алабин, А. П. Хрущов), военная историография (М. И. Богданович, Н. Ф. Дубровин), вслед за ними и беллетристика, особенно на фоне дальнейших военных операций, дали вполне определенную оценку руководству Альминского сражения, назначив главными виновниками трагедии главнокомандующего А. С. Меншикова и генерал-лейтенанта В. Я. Кирьякова, командовавшего левым флангом. Четкая дихотомия героизма солдат и бездарности командования, нивелирование значения этого сражения в масштабах последующих событий войны станут основой интерпретаций случившегося 8 сентября среди военных историков. Это позволяло сделать вклад в мифотворчество Севастопольской обороны: подчеркнуть героизм и стойкость русских солдат на фоне бездарности командования (что найдет отражение в памятнике солдатам Владимирского полка 1902 г.), усомниться в смелости и моральном облике противника и трактовать Альминскую трагедию как эпизод, который показал чудеса храбрости солдата и приостановил на время дальнейшее движение союзников к Севастополю.

После сражения при Альме князь А. С. Меншиков, опасаясь быть отрезанным от коммуникаций, отвел армию к Бахчисараю, оставив вражеским войскам открытую дорогу на Севастополь. Жителями города и гарнизоном этот маневр был воспринят как акт предательства, равнодушия и пренебрежения их судьбой. Адъютант князя Меншикова В. А. Стеценко писал, что «в Севастополе составилось общее мнение, что князь Меншиков его бросил. <...> Слово “измена” повторялось в Севастополе довольно громко, и не мудрено,

⁷ Выписка из письма без подписи из Севастополя от 1 октября 1854 года к лейтенанту Коростовцеву в С. Петербург // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 201. Л. 1а-2.

что находились услужливые люди, передававшие князю все толки, которые ходили о его действиях»⁸. Объяснимый маневр Меншикова оставил город не только без подкреплений, но и без руководства, при полной неясности полномочий оставшихся военачальников (начальник штаба главного командира Черноморского флота и портов вице-адмирал В. А. Корнилов, командир порта и старший адмирал М. Н. Станюкович, вице-адмирал П. С. Нахимов без официальной должности, начальник гарнизона Севастополя генерал-лейтенант Ф. Ф. Моллер). Пространное распоряжение Меншикова заключалось в том, что северные укрепления были поручены Корнилову, который возьмет на себя фактическое управление оборонительными мероприятиями, а морские команды в Севастополе — Нахимову.

Главная база Черноморского флота имела ничтожную оборону с сухопутной стороны, город был слабо укреплен, поскольку единственным предполагаемым врагом была Турция, от которой сухопутных наступлений на Севастополь ожидалось меньше всего. Как писал И. Ф. Лихачев⁹, «ни солдат, ни пушек на месте не было, и неприятель мог бы, так сказать, церемониальным маршем и почти без выстрела войти в город»¹⁰. Корабельная сторона вместе с Малаховым курганом оказалась беззащитна и географически отрезана от центра Южной бухтой. Н. С. Милошевич писал, что «чтобы овладеть тогда Севастополем[,] неприятелю стоило только протянуть руки»¹¹. Имеющиеся каменные форты создавались для защиты крепости со стороны моря. Наскоро возведенные укрепления защищали только плохо вооруженные экипажи (около 15 тыс. моряков), не имевшие должной подготовки к боям на суше, о чем свидетельствовали современники: «десантных учений в черноморских эскадрах никогда не делалось и, как нижние чины, так и высшие, решительно ничего не знали и не понимали в службе на сухом пути»¹².

Союзники планировали захват города, уничтожение его военной базы с целью политического давления и последующего возвращения города в обмен на политические уступки России. Однако вместо того, чтобы практически беспрепятственно овладеть городом, англичане и французы не стали рисковать, не имея точных сведений о состоянии укреплений. Они постарались

⁸ Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения контр-адмирала Стеценки. С. 225, 227.

⁹ Лихачев Иван Федорович (1826–1907) — выпускник Морского корпуса в Санкт-Петербурге. После начала Крымской войны назначен флаг-офицером вице-адмирала В. А. Корнилова, участник боя 6 мая 1854 г. с тремя английскими и французскими пароходами. Участник обороны Севастополя. Активный сторонник строительства броненосного флота. Командующий первой русской броненосной эскадрой в Балтийском море. Морской аташе в Лондоне и Париже. С 1874 г. вице-адмирал русского флота. Ученый и кругосветный мореплаватель.

¹⁰ Лихачев И. Ф. Роль Черноморского флота в Крымскую войну и затопление наших военных судов в Севастопольской бухте в 1854 г. // В Севастополе — 50 лет тому назад. СПб., 1913. С. 22.

¹¹ Милошевич Н. С. Из записок Севастопольца. СПб., 1904. С. 15.

¹² Лихачев И. Ф. В Севастополе — 50 лет тому назад. СПб., 1913. С. 10–11.

обеспечить себе надежный тыл и стянуть к городу тяжелую артиллерию, для чего отправились в обход через Мекензиевы горы на Южную сторону города и заняли бухту Балаклавы и Камышовую бухту, тем самым обеспечив удобные стоянки своим кораблям и места для лагерей. Как писал об этих событиях хирург Н. И. Пирогов, «глупому крику гусей был одолжен Рим спасением, глупому маршу англо-французов — Севастополь. Так уж верно угодно Богу, случай и бессмыслие в военных происшествиях назначены играть более важную роль, чем человеческая прозорливость и остроумие»¹³. Подпоручик М. А. Вроченский не без изумления вспоминал:

Приходилось только удивляться, без возможности объяснить себе, почему 50-ти тысячная, свежая, не изнуренная походами и хорошо снаряженная армия союзников, не решилась идти немедленно же на штурм Корабельной, когда все ее укрепления состояли из слабых батареек, названных I, II и III бастионами, и пресловутой башни на Малаховом кургане, когда на вооружении всех этих укреплений стояло всего лишь 31 орудие, не свыше 18-фунтового калибра и это на протяжении от Килен-балки до Южной бухты, т. е. примерно версты на три! Огромные полуверстовые промежутки между этими укреплениями оставались ничем не обороненными, так как нельзя же было считать обороною и препятствием для неприятеля стенки в полроста человека, сложенные наскоро из каменных обломков, насухо, без всякого цемента¹⁴.

Воспользовавшись передышкой, севастопольское командование успело перебросить большую часть армии на Южную сторону и начать строительство линии оборонительных укреплений (8 бастионов, Селенгинский, Волынский редуты и Камчатский люнет). Южная бухта разделяла полукруглую оборонительную линию на две независимые части (одна защищала Городскую сторону, вторая — Корабельную и Малахов курган) с отдельными гарнизонами. В первый период войны эти части были настолько различны, что мемуаристы в противовес часто обстреливаемой Корабельной стороне называли Городскую часть «городом» — «мирный веселый Севастополь»¹⁵. Союзники после размещения своих гарнизонов начали осадные работы напротив русских бастионов и Корабельной стороны и строительство траншей, чтобы после ослабления противника бомбардировками организовать пехотную атаку — штурм города. Война затянется, но этот маневр союзников в пространстве мифа трансформируется в доказательство неспособности хорошо вооруженной союзной армии с численным преимуществом за 11 месяцев одержать победу над мужеством и стойкостью севастопольского гарнизона.

¹³ Журнал экспедиции, 24–28 ноября 1854 г. // Севастопольские письма Н. И. Пирогова. 1854–1855. СПб., 1907. С. 70.

¹⁴ Вроченский М. А. Севастопольский разгром. Киев, 1893. С. 50.

¹⁵ А-й В-в. Сутки на Малаховом кургане // Морской сборник. 1856. № 6. С. 85.

В первый период обороны Севастополя основу защитников города составляли исключительно морские команды, многие из которых еще вчера несли службу на кораблях и получили свой опыт артиллерийского дела впервые. Из 18 тыс. моряков, служивших в 17 флотских экипажах на судах Черноморского флота, после затопления кораблей на берег сошло не менее 14 тыс. Вместе с 7 тыс. личного состава береговых команд Морского ведомства моряки составляли всю артиллерийскую прислугу при орудиях на оборонительной линии, участвовали в саперных работах¹⁶. Бастионы Севастополя представляли собой ряд отделений оборонительной линии, включавшей в себя самостоятельные отделы: редуты, люнеты, батареи. Оборонительная линия длиной 7,5 км была разделена на 3, затем на 4 и 5 дистанций, которыми командовали адмиралы и капитаны 1-го ранга (1-е и 2-е отделения относились к Городской стороне, 3, 4 и 5-е — к Корабельной). Бастионами, батареями, батальонами моряков командовали офицеры Черноморского флота (капитан-лейтенанты, лейтенанты), которые до осады командовали экипажами на кораблях. То есть система старшинства и подчиненности была перенесена с кораблей на бастионы с соблюдением уставов и порядков и даже со своими корабельными орудиями. Севастопольские бастионы фактически превратились в «корабли» со своим уставом, составом и своим адмиралом (Корнилов, Истомин). Моряки, начальники дистанций, бастионов и батарей неформально обладали привилегированным положением по сравнению с сухопутными, что нередко вызывало напряженность в рядах обороняющихся. Моряки ревностно относились к вмешательству сухопутных командиров в оборону военного города-порта, признавая настоящим генералом только С. А. Хрулева, а армейские офицеры нередко считали себя незаслуженно забытыми. Старший адъютант Нахимова Л. А. Ухтомский писал об Истомине:

На свой бастион он смотрел как на корабль, где он — командир, где без него никто не смеет распоряжаться. Часто выходило не то, что следует: армейские генералы путали и затрудняли дело. Истомин приказывал: никого не пускать на Малахов курган! Гоните вон! А кто не послушается — тому пулю в лоб! В припадке раздражения на армейские порядки, Истомин однажды выразился: «Всю помощь армейцев в Севастополе можно изобразить так ... Пусть вас вырвет на чистый лист бумаги. Все рисунки, какие при этом получатся это и есть действия армии — настолько они беспорядочны и сбивчивы ... Хотя бы вылазки ... Там, где молодые офицеры начальниками — выходит отлично. Будет же начальником полковник или генерал — непременно напутают»¹⁷.

Фактор внутриварнизонных противоречий и личных обид между флотскими и армейскими во время войны оказывал влияние и на воспоминания,

¹⁶ Ляшук П. М. Офицеры Черноморского флота... С. 4.

¹⁷ Из архива князя Л. А. Ухтомского // Русская старина. 1911. Т. 148. С. 164.

в которых морские офицеры неслестно отзывались о деятельности сухопутных, и наоборот. Так, Л. А. Ухтомский вспоминал: «Началась бесконечная осада, где мы не видели тени надежды на успех, где моряки и армейцы не понимали друг друга, так как все распоряжения шли вразрез одно другому. Но ни у кого из моряков не было и тени мыслей о сдаче. Мы страдали только тем, что не видели конца мукам, не видели армии, способной помочь нам»¹⁸. Подпоручик М. А. Вроченский писал, что «за первое бомбардирование почти все флотские офицеры, командиры батарей были награждены орденами св. Георгия, да и в течении всей 11-месячной осады эту высшую военную награду получали лишь одни моряки: получили этот орден несколько человек саперных офицеров и счетом пять полевых артиллерийских офицеров. Про офицеров пехотных полков и говорить нечего, об этих скромных тружениках я даже и не слышал, чтобы кто-нибудь из них был награжден орденом св. Георгия»¹⁹.

Условия скученности флотского, армейского, городского населения и замкнутости городского пространства, ограниченного бухтами с одной стороны и неприятельскими траншеями с другой, формировали совершенно иной военный опыт, обусловленный новыми обстоятельствами ведения войны: строительство укреплений на ограниченных позициях, которые регулярно требовали восстановления, рискованные ночные вылазки в неприятельские окопы, опасные и однообразные будни в блиндажах (землянках для личного офицерского состава, накрытых бревнами и слоем земли) и на обстреливаемых бастионах в условиях отсутствия дорог, холода, дождей, грязи зимой, или пыли, жары в комплекте с мухами — летом. Мемуаристы писали о неравной борьбе не только с военным противником, но и с насекомыми, которые осложняли бытовые условия жизни в блиндажах: «Страшным бичем этих подземных помещений были мириады блох, которые, впрочем, кишели повсеместно на укреплениях и от которых не спасали никакие антиинсектины. Вновь надетое белье из белого полотна в несколько часов принимало вид цветного с черными крапинками. Для чувствительных с этой стороны организмов сон приходил только после крайнего физического утомления»²⁰.

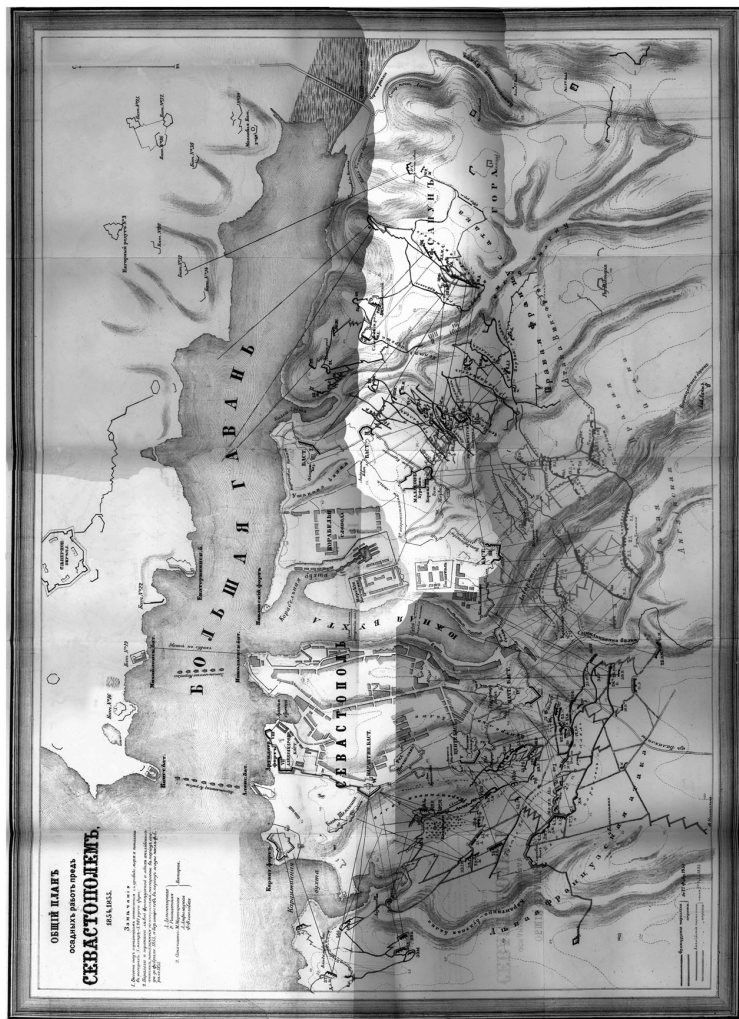
Оборона Севастополя внесла изменения в образ жизни моряков и жителей города на долгие 11 месяцев. Морские чины флотских батальонов сыграли главную роль в отражении бомбардировки, «моряки на батареях стояли у орудий так, как стояли они на судовом ученьи»²¹. Моряки были вынуждены нести сухопутную береговую службу в непривычных для себя условиях бивуака, распознавать сигналы и четко реагировать на них. Как вспоминал морской офицер Спиридон Афанасьевич Гунаропуло (1837–1902), «в шахматном

¹⁸ Там же. С. 359.

¹⁹ Вроченский М. А. Севастопольский разгром. С. 53.

²⁰ Милошевич Н. С. Из записок Севастопольца. С. 68.

²¹ Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения контр-адмирала Стеценки. С. 239.

Ил. 2. Общий план осадных работ перед г. Севастополем. Карта. 1854—1855. Воспроизводится по изданию: Вейгельи. Осада Севастополя. 1854—1856: с подробным изложением действий артиллерии: с двумя планами окрестностей Севастополя и осадных работ. СПб., 1863.

порядке стоящие палатки, пирамидальные кучки с выдвинутыми штыками ружей, мелькавшие барабаны, постоянные звуки рожков, мерное шагание часовых — все это было ново, как-то странно, непривычно для наших глаз. Вот сигнал! Матросики выбегают из палаток, разбирают ружья и проделывают разные эволюции, то и дело раздаются командные слова: беглым шагом... скорым шагом... плечо вперед»²². Сухопутная служба черноморцев на бастионах несла на себе отпечаток их прежней жизни с флотскими порядками, 8-часовыми вахтовыми привычками и укладом: «время на батареях считалось склянками, по песочным часам, и часовой отбивал каждый получас ударами в колокол, орудия на морских станках прикреплялись для задержания отката к столбам, врытым у бруствера, как к корабельным бортам, платформы напоминали палубу, темные и тесные блиндажи уподоблялись корабельному кубрику, по корабельному же резкие свистки боцмана вызывали людей к орудиям, к обеду, к чарке водки»²³.

Осенью 1854 г. гарнизон города усилился пехотными полками, совершившими переход в Крым с берегов Дуная. Пополнению пришлось адаптироваться к новым условиям жизни и службы, что уже проделали моряки и гражданское население. Жилища в осажденном Севастополе располагались в тускло освещенных свечами блиндажах, что накладывало отпечаток на восприятие реальности у защитников города. Как писал участник осады Василий Иванович Колчак (1837–1913), отец будущего адмирала, «жизнь моя на кургане началась томительными, однообразными буднями. Постоянная стрельба, частая смена людей, ночные вылазки, фальшивые тревоги неприятеля — все это отравляло настроение, не давая покоя»²⁴. Жизнь, сосредоточенная между бруствером и блиндажом, сильно воздействовала на сознание, вырабатывая привычки, невозможные в мирном существовании, меняющие восприятие нормы. Блиндажи так же не были безопасным убежищем, осколки бомб убивали находившихся и там. Осторожность не гарантировала сохранение жизни. Как отмечали практически все мемуаристы, сравнивавшие себя до приезда в Севастополь с собою же после некоторого пребывания в нем, во время осады вырабатывались апатия и равнодушие (в смысле привычное отношение) к свисту пуль, звукам взрывов, ядер, виду ранений и смерти. Более того, тишина воспринималась как отклонение от «нормы», поскольку затишье без предварительной договоренности воюющих сторон (например, уборки тел и раненых) означало подготовку к новой усиленной бомбардировке или чему-то более серьезному (штурму). Накануне первой бомбардировки наблюдалось затишье, «не перед грозой ли, поговаривали у нас, наступила такая необыкновенная тишина? И это непривычное спокойствие портило расположение духа, нагоняло тоску. Весь день прошел в каком-то

²² Гунаропуло С. Воспоминания старого моряка // Исторический вестник. 1899. Т. 78. С. 98.

²³ Вроченский М. А. Севастопольский разгром. С. 54.

²⁴ Колчак В. На Малаховом кургане. СПб., 1899. С. 8.

тревожном ожидании. Чем-то зловещим дышала эта суровая подозрительно-спокойная картина»²⁵.

Контекст войны — это блиндажи, пушки, ядра, штуцера наряду с ранениями, ампутациями, кровью, смертью, причащением, что воздействовало на людей с религиозным сознанием, на тех оставшихся в живых, кто получил военный и жизненный опыт в траншеях и блиндажах. Благодаря очеркам Толстого в коммеморативном пространстве появляется еще одно место действия. Госпиталь и лазарет с ранеными и умирающими — одна из главных сцен, которая встречает читателя текстов о Севастополе. Главными героями госпитального пространства становятся «чудотворец» Николай Иванович Пирогов (1810–1881) и сестры милосердия Крестовоздвиженской общины, чьими руками управляет божественное провидение. В записках Н. В. Берга образ хирурга рисуется в сверхъестественных красках: «Вы сходите на главный перевязочный пункт, в город, — сказал мне Долгорукий, — там Пирогов: когда он делает операцию, надо стать на колени!»²⁶ Сестра Крупская в мемуарах писала: «однажды на перевязочный пункт несли на носилках солдата без головы; доктор, стоя в дверях, махал руками и кричал солдатам: “куда несете, ведь видите, что он без головы” — солдаты отвечали: “ничего Ваше Благородие, голову несут за нами, г. Пирогов как нибудь привяжет, авось еще пригодится наш брат солдат”»²⁷. Совершенно новый боевой опыт потребовал новых способов репрезентаций войны и образа врача. Феномен Пирогова и его изобретения — военно-полевой хирургии вместе с новшествами медицины того времени (гипсовая повязка (вместо крахмальной), хлороформ как метод анестезии, сортировка раненых по степени тяжести), врачебная интуиция — позволили хирургу обрести славу чудотворца еще при жизни. «Наlepная алебастровая повязка» по методу Пирогова²⁸ стала чудодейственным новшеством того времени. Благодаря обеспечению физической неподвижности она буквально возвращала целостность костям и тканям, руками хирурга обращая мертвое в живое, возвращала к жизни части смертельно пораженного войной тела, заставляя кости срастаться, ткани тела восстанавливаться, помогая избегать тяжелых ампутаций и невыносимых страданий. Н. И. Пирогов внедрил в практику эфир (хлороформ), что способствовало избавлению от физических страданий, снижало летальные исходы в результате болевого шока в ходе операций и было сродни чуду. Действие эфира на человеческий организм было не очевидно обывательскому глазу и вызывало подозрение, что хирург обладает некой неведомой силой.

²⁵ Гунаропуло С. Воспоминания старого моряка. С. 99.

²⁶ Берг Н. В. Записки об осаде Севастополя: в 2 т. Т. 1. М., 1858. С. 33.

²⁷ Крупская А. Воспоминания Крымской войны сестры Крестовоздвиженской общины. СПб., 1861. С. 34.

²⁸ Пирогов Н. Налепная алебастровая повязка в лечении простых и сложных переломов и для транспорта раненых на поле сражения. СПб., 1854.

Самый утешительный результат эфирования, — пишет Пирогов, — был тот, что операции, производимые нами в присутствии других раненых, нисколько не утешали, а, напротив того, успокаивали их в собственной участи, и все раненые садились почти всегда спокойными и без всяких возражений, один за другим, для производства над ними самых болезненных операций, каковы: отнятие членов и вырезывание пуль, засевших в глубоких частях. Часто целые часы проходили без всяких воплей и жалоб... Нельзя было не заметить удивления, с которым смотрели другие больные на немую бесчувственность своих товарищей-сострадальцев, подвергавшихся операциям под воздействием эфирных паров²⁹.

Миф о необыкновенном докторе нашел преломление в рассказе А. И. Куприна «Чудесный доктор» 1897 г., который основан на репутационном образе профессора Н. И. Пирогова. После своей смерти в 1881 г. знаменитый хирург продолжал служить людям, которые приходили к его мощам помолиться о здоровье. Церковные власти дали разрешение не хоронить его тело в земле, а забальзамировать и оставить в склепе усыпальницы деревянной сельской церкви, названной в честь святого Николая Чудотворца.

Для текстов о войне характерны наблюдения, что защитники Севастополя старались не обращаться к врачам, и это считалось проявлением героизма и храбрости. В мемуарах прослеживаются и другие попытки объяснить поведение солдат и матросов на бастионах. Офицер А. И. Ершов (1834/35–1907) вспоминал о ранении одного артиллериста: «он весь похолодел от страдания: “О-ох, ваше благородие! Ай, братцы! Смерть тошно идти-ть во шпиталь”». Русский солдат вообще неохотно отправляется в лазарет: при малейшей возможности всегда предпочитая оставаться при своей части»³⁰. Оснований для такого отношения могло быть несколько. Во-первых, чувство долга перед сослуживцами. Во-вторых, болевой шок и материальная мотивация оставаться на бастионе: «Всем легкораненым и контуженным нижним чинам, состоящим во фронте, давалось до трех рублей серебром. Не чувствуя сгоряча боли и имея в виду денежную приманку, многие нижние чины оставались во фронте. Но дальнейший ход раны или контузии, постоянное изнурение, отсутствие сна и покоя в самое короткое время вынуждали их оставить бастионы»³¹. В-третьих, санитарное состояние госпиталей и лазаретов, и высокий процент смертности при попадании туда (эпидемии, смертность после ампутаций, отсутствие антисептики и асептики, антисанитария) отбивали всякое желание там оказаться. В госпиталь отправлялись либо без сознания, либо с тяжелой-

²⁹ Пирогов Н. Отчет о путешествии по Кавказу, содержащий полную статистику ампутаций, статистику операций, произведенных на поле сражения и в различных госпиталях и с помощью анестезирования, опыты и наблюдения над огнестрельными ранами и проч. СПб., 1849. С. 23.

³⁰ Ершов А. И. Севастопольские воспоминания... С. 50.

³¹ Меньков П. К. Записки Петра Кононовича Менькова: в 3 т. Т. 1: Дунай и немцы (Восточный вопрос 1853–1855 гг.). СПб., 1898. С. 39.